

Глава 4: Его Сны

Он бежал, пока земля не стала размытой, пока мышцы его спины не начали гореть, будто на его плечах была тяжесть неба, и он больше не мог бежать. Он бежал, пока земля не слилась с небом, а его лево стала его право, его ноги подкосились, и он скомкался до земли, задыхаясь и захлебываясь своим дыханием. Его рука была искалечена, но он не чувствовал боли, даже когда суставы были согнуты неправильно, и мышцы были разорваны, и текла черная кровь. Он не мог остановиться, не сейчас, когда с каждым ударом сердца росла опасность. Он не был в безопасности, ибо эти земли не были его.

Его тело было утомленным от усталости и боли, но ум не тускнел. Его огонь горел с бушующей интенсивностью, яростным сопротивлением, которое подпитывало его, толкало, побуждало продолжать идти вперед. Это была уверенность, это была гордость. Это было твердое решение, которое было предопределено в его кости. Чужеземцы не потребовали бы его, даже если бы ему пришлось выбирать из самого глубокого, темного оврага только своими когтями. В этом он поклялся, это он знал. Он бы не умер, не здесь. С ревом, который был более диким, чем что-либо животное могло произнести, он поднялся, решительный, уверенный, отчаянный. Он должен был двигаться вперед.

С дрожащей ногой, которая угрожала сломаться под ним в любое время, он неустойчиво поднялся на ноги. Один шаг. Два. Он толкал вперед, вес своего тела, как каменную гору, в то время как его мышцы яростно схватывало спазмами.

Один шаг. Два. Труп крулля остановил его, его массивная куча плоти неизмеримо тяжелая. Все-таки он боролся, ногами копал в землю, мышцы напрягались, пока это наконец-то что-то не дало. Там был ужасный щемящий звук, тошнотворный треск, как если бы он порвал сухожилие и сломал ногу. И тогда мир закрутился черным, и его голова упала на землю.

Ему снилось.

Ему мечталось о вихрях красного и белого, в бурях боли и жгучей жары. Ему мечталось о смерти с ее вечно присутствующими глазами и леденящим кровь прикосновением. Ему мечталось о жестокой бойне, которую знал всю свою жизнь. Ему хотелось, чтобы его тело разорвали на части, разорвали на клочки и съели падальщики. Он чувствовал, как их когти копались в нем, боль была, как раскаленные иглы, когда его кожа трескалась, и его плоть соскальзывала. Он чувствовал, как его тело разрывается пополам, как жадные рты пожирают его живьем. Он чувствовал боль, чувствовал ужас, чувствовал беспомощность, потому что мог только смотреть, как его едят заживо. Он знал тогда, что он был на грани смерти. Он мечтал на грани смерти.

Он был не один, сидел там на обрыве. Он слышал, как говорили другие, их голоса пронизывали его мысли. Шепот наполнил его разум, холодный, как лед, и острый, как лезвие. Они были шепотом мертвых, он мог чувствовать их все вокруг себя, чувствовать их теплое присутствие и их устойчивый, гудящий пульс. Он мог слышать боль в их голосах, они зывали к нему.

Андахиэль. Мы слышим тебя, Андахиэль. Оковы ослабевают, и тьма шевелится. Освободи нас, наследник Андахиэля. Разорви наши связи.

Тогда в его разуме был другой голос, голос такой добрый и мягкий, что согревал его сердце. Знакомство наполнило его грудь, ослабив его сомнения. Все эти годы он никогда бы не лишился памяти, он запомнил бы этот голос, как бы долго он ни звучал. Это был голос его рождения, голос камня, из которого он родился. Это был утешительный и твердый, пожилой

голос, который держал следы бесконечной мудрости и еще большего терпения. Это был голос земли.

Освободи их, дитя мое. Разорви их связи. Темнота поднимается, и нам понадобится их ненависть.

Если бы земля пожелала ему освободить этих духов, то он сделал бы это с радостью. Для земли, для его рождения, он сделает все, что угодно. Он оставил бы все, что угодно, ибо он обязан ей всем. Это была преданность, которую он проявлял к семье и только к семье. Но сомнение проникло в него на мгновение, неопределенность заставила его задуматься. Он не знал, как освободить этих духов, как разорвать их цепи.

Ты еще не можешь двигаться, дитя мое, поэтому я почию это тело для тебя. Ты еще не видишь, дитя мое. Вы еще не можете открыть глаза, поэтому я даю тебе это, на данный момент. Возьми их и посмотри, дитя мое. Возьми эти глаза.

Нежное тепло наполнило его, погружаясь в его разум белыми лентами. Они связали его плоть; он не мог видеть себя во сне, но он знал это настолько точно, насколько мог знать что-либо. Они плели плоть, связывали мышцы и исцеляли кожу. Раздробленные кости стали твердыми вновь, его разбитое тело родилось заново с даром земли. Тепло наполнило его грудь перед путешествием по шее, пряди тепла ползли по его лицу.

Огонь наполнил его глаза, обжигающий блеск, который проник в его разум. Только через мгновение он понял, что его глаза уже открыты, открыты во сне. Он увидел ослепляющую белизну, которая заполнила его поле зрения, и он понял, что это была белизна духов. Он видел их медленное пульсирование, окутавшее все своим сиянием.

Он видел в них все, все, что можно было увидеть. Он наблюдал за их умирающими моментами, их рождением и всем, что происходило между ними, мерцая в вечную секунду. Он видел, как те страдали, как духи корчились в агонии, когда они свернулись вокруг черного осколка. Она стояла черная, не как ночь, а как ничто. Поверхность была гладкой, как вода, бездонной, как море. Тени сеяли его, извиваясь, как змеи, когда они обернулись вокруг духов. Черный туман выливается из колющейся массы, холоднее льда. Он чувствовал, как черный осколок тянул, чувствовалась его злость, скрепляющая этих духов. Это был якорь, о котором они говорили, цепь, которую он должен разорвать. Это связывало их здесь, с их мучениями.

Больно, они кричали. Они корчились и извивались - тысяча голосов, тысяча безликих шепотов. Сам воздух вокруг них безумно исказился, скрутился с их беззвучным плачем. Они не могли убежать, ибо те тени, скрытые в тумане, связали их. Тени, как те, что жили во время падений, он понял.

Освободи нас, наследник Андахизэля. Разружьте это мучение. ОСВОБОДИ НАС. Мертвые кричали от буйной боли с отчаянным отказом. Их мысли добавились только к шторму, который бил по нему без паузы, ветры били его и угрожали взорвать в море. Бездна поселилась в его костях, ее вес намного тяжелее, чем любая плоть могла когда-либо вынести. Страх держал его, его хватка была холодной и леденящей. Он боялся делать то, что пожелала земля, а его верность и доверие воевали с самосохранением. В конце концов, его вера победила.

Его разум тверд, его решение решительно, он смягчил свою борьбу с вечно голодной глоткой осколка за самые короткие моменты, чувствуя, как она разрывает его сознание и приближает его. Медленно он вытянул когти, чувствуя, как они касаются поверхности глянцевого черного камня.

Боль.

Это было первое, что он почувствовал. Это все, что он чувствовал. Совершенно ошеломляющая, разрушающая кости боль, которая взорвала все мысли из его ума и поглотила его целиком. Он потерял себя в волнах этой ужасающей агонии, которая вырывала крик за криком изо рта. Это была настоящая пытка, которая захватила его дух в железные тиски и разорвала его, пока он не был всего лишь обрывками и клочьями.

Затем боль исчезла, как только она пришла. Черный туман осел над его телом, заставив онеметь все ощущения там, где он коснулся его, сейчас он ничего не почувствовал. Он ничего не чувствовал, как тени, обернутые вокруг него, ничего не чувствовал, когда они начали копать в его плоти. Это было блаженное облегчение, ничего не чувствовать, будто он умер.

Перешептывание. Звучание. Он слышал мертвых, их шум призрачно тихий на фоне хриплой симфонии его мучительных криков. Изображения мелькали в его голове. Костная масса. Огонь. Поле трупов, пурпурная молния, потрескивающая как непрекращающийся шторм. Он видел смерть в своей голове, смерть, окружающая его.

Ты хочешь умереть?

Мертвых было бесчисленное множество, их голоса были невыразимо пусты. Вопрос повторился в его голове, затянувшись, как воспоминания о биении сердца.

Ты настолько слаб?

Он встревожился, вопрос заставил его начать стряхивать оковы, которые его осаждали. Всю свою жизнь он считал себя сильным. Ни разу не приходило ему в голову сомнение, ни разу его яд не просачивался в его вены. Теперь он понял, что ничего другого не будет, и непреклонная боль, пославшая его разум в дымку, начала ослаблять его хватку.

Тогда освободи нас. ОСВОБОДИ НАС.

Это не то место, где он умрет. Сильные пировали на слабых, и он не был слаб. Он бы не умер здесь. Визжащий ветер потрескивал от силы - он хлынул вокруг него, взбивая его сознание и угрожая разбить его фокус на куски. Но он не хотел уступать. Он не будет колебаться. Он не был слабым. Он был сильным. Он не умрет здесь.

Был крик ярости, возможно, от него, возможно, от сотен мертвых, которые восстали, чтобы одолжить ему свою волю. Они набухли вместе в неослабевающем приливе силы, сокрушая всех на своем пути, нападая на почерневший осколок. Фиолетовая молния потрескивала и шипела в угрожающей каденции, искры безумно искрились, когда он снова и снова ударил по возвышающемуся шпилью только своей волей. Его воля была твердой, его решимость непоколебима. Он не был слабым. Он был сильным. Он не умрет здесь.

Осколок теперь треснул, черный туман, который ранее сеял его, теперь собирается в плотный туман, заряженный силой. Тем не менее, даже без его настояния, духи мстительных мертвых поразили с большим гневом и большим гневом, размахивая полосами белого через черный туман, как кусок за куском он становился все меньше и меньше. Колоссальное давление внезапно обрушилось на его разум, сокрушительный груз, который душил его мысли в агонии. Он мог только наблюдать, как огонь и молния вспыхивали в адской мести, и черный туман трескался с острым звуком, который врезался в его разум. Даже не чувствуя, он знал, что он его порезал, нанес урон, который никогда не заживет.

Закованные в цепи духи разлетелись на тысячи кусочков, как осколки стекла, плавая мягко, как сверкающая пыль в воздухе в течение самых коротких мгновений. Подобно собирающейся буре, они кружились вместе, прежде чем лететь прямо в его дух, сея в нем блестящий свет, прежде чем погрузиться. Он мог чувствовать их в себе, чувствовать, как их сила стекает в него, как поток питает бушующую реку. Это было сделано, они были освобождены.

Братья. Хор ледяных голосов прошептал в его голове, прежде чем замолчать.

Он вливался в него, вонзаясь в его разум, как змеиная змея. Их духи были теплыми, нежно пульсировали, так что перестала присутствовать боль.

Ты хорошо справился, дитя мое. Земля. Его госпожа, его проводник. Это взбудоражило его, возвестило о его мечтах.

Он проснулся с правой рукой в агонии, с каждым пульсом его сердца он чувствовал, как горячие иглы, копающиеся в его плоти. Дрожащий вздох прорвался, когда он посмотрел вниз, чтобы увидеть новую кожу и целые кости. Я почию это тело для тебя, провозгласила земля, и он вспомнил это сейчас. Его тело было исцелено землей, но боль все еще наполняла его запястье. С поглощающим туманом, который когда-то окружал его, теперь рассеялся, черный осколок остался позади, дремлющий.

С собственной первобытной волей он искал плоть и встраивался в правую руку, обжигая плоть вокруг себя своей силой, пока кожа не обуглилась, волосы не сгорели. Он выл от боли, сжимая руку, как едкий дым, струящийся между его когтями. Черный самоцвет сиял как бездонный бассейн, без глубины и без вещества. Казалось, будто кто-то может проскользнуть в него, может упасть вперед, как тот самый сон, от которого он пришел.

Его разум вспомнил о сновидении, в котором он очутился, о его душевном состоянии, когда он лежал в спокойном сне. Он всегда знал, что вокруг него духи, земля говорила ему во время его рождения. С десятого года он чувствовал их вокруг себя, их мягкое жужжание и нежное тепло. Однако только сейчас он их увидел.

Он хотел открыть эти глаза еще раз, но, как бы он ни старался, он не смог. Однако решимость заставила его стиснуть зубы. Если бы это было сделано раньше, это можно было бы сделать снова. Даже если он не мог видеть духов, он все равно мог чувствовать их пульс. Он снова откроет те глаза, он обещал это.

Тем не менее, другая мысль съела уверенность, которая только что наполнила его: ночь наступала.

Он хотел почувствовать духов, жаждал использовать горячую силу, которая горела по его венам, но не было времени. Ему пришлось поторопиться. Тени пробуждались от сна, те же самые тени, которые наполняли его сны. Его земли были дальше, где солнце пряталось ночью. Где красные, потрескавшиеся грязевые равнины превратились в скалистые холмы, где они встретили катящееся море, это были его земли. Они были недалеко, но у него не было свободного времени. Уже солнце пряталось, только самый чистый край его света заглядывал за горизонт, как Луны и звезды ждали, чтобы показать себя. Это было, когда красный свет солнца исчез, и зеленый свет лун засиял - это было, когда появились тени.

Он уже видел их: их черные тела искривлялись, когда они спускались, чтобы полакомиться разбитыми трупами. Он мог слышать их шум, или, скорее, его отсутствие, тишину их бесшумных шагов, вторящих ночью, когда они преследовали свою жертву. Он чувствовал их запах, зловонный запах крови и смерть, гниющая на их бесформенной коже. Он мог

чувствовать их, их ауру тьмы и неправды, которые следовали за ними. Им здесь не место. Они не были от земли. Если бы они пришли за ним, не было бы никакого спасения.

С ошеломляющими шагами он хромал обратно в свое логово, неся труп крулля, перекинутый через свои широкие плечи. Он не прекращал отдыхать. Было бы достаточно времени, когда он был мертв. Сейчас не было времени. Когда последние линии солнца опустились за землю, он увидел его: свой дом. Его.

Обещание безопасности заставило его загореться с новой силой, когда он потащил крулля к своему логову. У него не было времени передвинуть валун - вместо этого он сломал его когтями, земля уступала ему, чувствуя то, что он торопился. Он притащил труп за собой в пещеру. Затем он рухнул, грудь ударилась о камень приглушенным стуком.

Его разум был в ярости от его слабого тела. Было бы время поспать позже - сначала у него были дела. Он хотел пошевелиться, но его руки не реагировали, пальцы просто слабо дергались. Он просто лежал там, задыхаясь от дыхания в грудной клетке, его разум начинал чувствовать свет, как обещание покоя и безопасности затопило его тело. Мысль о безопасности заставила его устать.

Мысль о безопасности сделала его слабым.

На чужбине такая слабость убьет. Это напомнило ему о том, как он почувствовал, как шепчущее прикосновение холодной стали черпает гладкую кровь из его горла.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/311171>